

Развѣдка летучаго отряда на протяженіи 2,000 верстѣ.

(Окончаніе¹⁾).

5-го іюня. Часа въ 4 утра, убѣдившись, что продовольствіе не доставлено даже для одного взвода и увидѣвъ, какъ наши голодные кони пощипывали подъ своими ногами траву, я послалъ спросить въ Канге о причинахъ неисполненія обѣщанія, на что получилъ въ отвѣтъ, что будто бы въ городѣ не хватаетъ людей для доставки продовольствія на бивакъ. Получивъ такой безмысленный отвѣтъ, я приказалъ отряду сѣдлатъ и объявилъ офицерамъ, что считаю отношеніе къ намъ гарнизона Канге оскорбительнымъ; принимая же во вниманіе желаніе городскихъ властей дѣйствовать въ пользу японцевъ, которые повидимому въ количествѣ нѣсколькихъ человѣкъ уже находятся въ Канге и ожидаютъ подкрѣпленія, а также то обстоятельство, что вообще корейскія войска неоднократно вступали уже въ бой съ нѣкоторыми нашими частями (отрядомъ Мадритова), я считаю, что долгъ велить намъ открыть военныя дѣйствія противъ гарнизона Канге.

Я рѣшилъ обстрѣлывать казармы, расположенныя, по собраннымъ свѣдѣніямъ, у восточной городской стѣны, и для этого хотѣлъ воспользоваться командовавшими надъ городомъ высотами, послѣ чего слѣдовать кратчайшимъ путемъ къ р. Ялу на г. Манпхо. Последнее мотивировалось тѣмъ, что существующіе въ сухое время

¹⁾ См. «Военный Сборн.» № 10.

3—4 брода на нижнемъ теченіи р. Ялу должны были отъ дождей закрыться, вслѣдствіе чего переправа черезъ такую рѣку могла насъ надолго задержать, что въ связи въ особенности съ инцидентомъ въ Канге и слухами о движеніи японцевъ изъ Уйона могло насъ поставить въ весьма тяжелое положеніе.

Почти одновременно съ наступленіемъ отряда былъ посланъ офицерскій разѣздъ съ приказаніемъ слѣдовать на Манпхо, собирать по пути продовольственные запасы для отряда и выбрать бивакъ для него не менѣе какъ въ 50 верстахъ отъ Канге. Мы же должны были послѣ боя идти по слѣдамъ разѣзда.

Проѣхавъ съ отрядомъ версты три отъ бивака и обойдя городъ съ восточной стороны, я оставилъ коноводовъ за горой съ прикрытіемъ къ нимъ и, имѣя проводника мѣстнаго корейца, сталъ со спѣшившейся частью подниматься по тропинкѣ. Другого корейца я послалъ съ запиской къ полковнику, въ которой написалъ, что въ виду его отношенія къ намъ я открываю военныя дѣйствія.

Слѣшившейся части я объяснилъ причину открытія съ нашей стороны военныхъ дѣйствій противъ корейцевъ, причеиъ указалъ, что наша цѣль наказать гарнизонъ, обстрѣлявъ его мѣткимъ огнемъ, но что взятіе города не входитъ въ наши намѣренія.

Выславъ въ стороны пѣшіе дозоры, мы двинулись къ гребню высотъ, откуда, по словамъ проводника, долженъ былъ открыться видъ на городъ. Съ нѣсколькими офицерами обрекогносцировавъ гребень высоты, покрытой довольно рѣдкимъ кустарникомъ, я рѣшилъ занять позицію одной сотней примѣрно въ 1,200, другой въ 1,500 шагахъ отъ стѣны города. До открытія нами огня мы услышали со стороны непріятелиа два выстрѣла, послѣ чего мы стали обстрѣливать залпами корейскіе войска, сбѣгавшіяся къ стѣнѣ города, казармы и двѣ деревянныя караулки въ углахъ восточнаго фаса стѣны.

Пули наши ложились хорошо, что было видно по караулкамъ, отъ которыхъ летѣли щепки. Послѣ третьяго залпа съ нашей стороны корейцы стали отвѣчать частымъ ружейнымъ огнемъ, и пули ихъ зажужжали надъ нашими головами.

Минуть 15 спустя, открыли по насъ огонь двѣ непріятельскія пушки, стоявшія у караулокъ; ограничившись восемью безвредными для насъ выстрѣлами, онѣ перестали стрѣлять. Такъ какъ снаряды ихъ не долетали до насъ, то, нужно думать, это были гладкоствольныя пушки, заряжавшіяся, весьма возможно камнями.

Минуть черезъ 40 послѣ начала перестрѣлки, спѣшенная часть безъ потерь стала отходить по моему приказанію подъ прикрытіемъ аріергарда къ коноводамъ, у которыхъ, къ удивленію, оказалась одна убитая лошадь 2-хъ линейной пулей. Такъ какъ кони случайно оказались въ полосѣ стрѣльбы, и перелеты противника ложились среди нихъ, то начальникъ коноводовъ перевелъ ихъ нѣсколько въ сторону.

Пересчитавъ людей и убѣдившись, что всѣ налицо, мы направились на Манпхо; но не отѣхали мы 5 верстѣ отъ Канге, какъ были обстрѣляны фланговымъ огнемъ 10—15 винтовокъ съ верхушки скалы, въ разстояніи шаговъ 800. Выстрѣлы были направлены въ хвостъ колонны, почему я приказалъ идти рысью за склонъ высоты, на которую мы поднимались, самъ же пропустилъ колонну, успокаивая людей, засуетившихся отъ неожиданности. Послѣдствіемъ этой засады была у насъ одна раненая лошадь, которая однако могла слѣдовать съ отрядомъ.

Пройдя верстѣ 30 отъ Канге, мы остановились на большой приваль, гдѣ разъѣздъ заготовилъ запасы продовольствія. Мы платимъ жителямъ даже щедрѣе обыкновеннаго, чтобы показать, что мы противъ нихъ ничего не имѣемъ; впрочемъ, они пока ничего и не знали о нашей стычкѣ у Канге.

Уже начинало смеркаться, когда мы выступили съ привала и, переваливъ черезъ большой и каменистый хребетъ, остановились въ первомъ часу ночи на ночлегъ въ глухомъ мѣстѣ.

6-го іюня. Унавѣ отъ мѣстныхъ жителей, что бродъ черезъ Ялу у Манпхо уже давно закрылся, и теченіе рѣки отъ дождей стало весьма быстрымъ, я посылаю въ 6 час. утра разъѣздъ подъ командой шт.-ротм. Левицкаго для сбора перевозочныхъ средствъ для переправы. Отрядъ выступилъ въ скоромъ времени послѣ разъѣзда, и около 1 часу дня мы увидѣли издали Маньчжурію, куда мы всѣ съ радостью стремились, зная что намъ не придется тамъ такъ голодать, какъ въ Корей и чувствуя, что мы приближаемся къ своимъ.

Но насъ ждали еще испытанія. Подходя къ Манпхо, полуразрушенной корейской крѣпости, покинутой жителями, мы увидѣли передъ собой р. Ялу, съ бурнымъ теченіемъ, шириною около 200 саж. На противоположномъ берегу видѣлись горы, спускавшіяся, выше насъ по теченію рѣки, скалистыми обрывами къ ней; противъ насъ онѣ отходили нѣсколько отъ берега, образуя небольшую луговину. На корейскомъ берегу горы лежатъ въ общемъ

въ $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ рѣки, но одна изъ возвышенностей, на которой расположено Манпхо, круто обрывается къ Ялу; выше и ниже этой возвышенности есть мѣста, гдѣ спуски къ рѣкѣ допускаютъ производство переправы.

Встрѣтивъ Левицкаго, мы узнаемъ, что перевозныхъ средствъ на корейскомъ берегу пока найти не удалось и по собраннымъ свѣдѣнiямъ корейцы сплавили свои лодки далеко внизъ по теченiю, что изъ числа двухъ вызвавшихся изъ развѣзда для привода китаяскихъ лодокъ съ Маньчжурскаго берега—одинъ рядовой утонулъ, а другой, не справившись съ теченiемъ, вернулся назадъ, что, по нѣкоторымъ свѣдѣнiямъ, на противоположномъ берегу находятся японцы, и нашему переводчику Чуда-сю удалось вызвать какой то китайскiй челнокъ, на которомъ онъ переправился на Маньчжурскiй берегъ какъ для развѣдки, такъ и для того, чтобы собрать тамъ лодки и привести ихъ къ намъ.

Направивъ кромѣ того на розыски шт.-ротмистра Колесникова вверхъ по теченiю рѣки и Левицкаго внизъ, я выдѣлилъ одинъ взводъ шт.-ротмистра Охоцкаго для охраненiя нашего тыла.

Тяжелое положенiе, въ которомъ мы находились, сознавалось всѣмъ отрядомъ, и это крайне напрягало наши нервы: то одному слышался отдаленный залпъ, то стукъ дверей принимается за выстрѣлъ. Наконецъ, мы дѣйствительно услышали ружейный выстрѣлъ, но, какъ оказалось, произведенный нечаянно однимъ изъ нижнихъ чиновъ.

Часовъ въ 8 вечера я получилъ донесенiе отъ Колесникова, что съ помощью 6 долбленыхъ челноковъ, приведенныхъ Чудасю, онъ сталъ переправлять свою сотню, но что, въ виду наступленiя темноты и сильнаго дожда, переправу пришлось прекратить. Кромѣ того Чудасю доставилъ памъ отъ китайцевъ свѣдѣнiе о томъ, что ближайшiя селенiя на Маньчжурскомъ берегу не заняты японцами. Чтобы ускорить дѣло, Колесниковъ хотѣлъ переправить коней сотни табуномъ, направивъ его за лошадьми, которыхъ вели на чумбурномъ поводѣ за челноками, но это не удалось, такъ какъ вслѣдствiе силы теченiя, табунъ, не пройдя $\frac{1}{3}$ разстоянiя, повернулъ назадъ и вышелъ снова на корейскую сторону; пришлось по 3—4 лошади вести на чумбурахъ за челноками, что сильно замедляло переправу.

7-го iюня. Часть сотни Колесникова ночевала на Маньчжурскомъ берегу, другая ея часть вмѣстѣ съ развѣздомъ Левицкаго, котораго я присоединилъ къ его сотнѣ, осталась у мѣста переправы

на корейской сторонѣ нѣсколько выше Манпхо, а я съ сотней Платонова въ $\frac{1}{2}$ верстѣ къ югу отъ Манпхо у дороги изъ Канге. Съ разсвѣта и до 11 часовъ дня 47-я сотня (Колесникова) продолжала переправляться, послѣ чего я поручилъ ей освѣтить направление на Хуай-жень-сянь, въ окрестностяхъ котораго, по свѣдѣніямъ отъ жителей, были въ значительныхъ силахъ японцы. Ночлегъ отряда былъ назначенъ въ д. Тунгоу въ 7 верстахъ отъ мѣста переправы внизъ по теченію Ялу, куда я предполагалъ къ вечеру присоединиться вмѣстѣ съ 45 сотней.

Когда болѣе полусотни послѣдней переправилось черезъ Ялу, часовъ около 3-хъ, я переѣхалъ также на Маньчжурскій берегъ. Тутъ большой толпой стояли китайцы въ своихъ синихъ одеждахъ, которыя мы, привыкши къ бѣлому костюму корейцевъ, приняли вчера издали за черные мундиры японцевъ. Китайцы продавали намъ бобовыя лепешки и яйца, на которыя послѣ 41 дневнаго похода по Корей, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, набрасывались съ жадностью. Маньчжурія со своими «ходами» показала намъ прямо родной стороной.

Видя оканчивавшуюся переправу, я успокоился, и не ожидалъ больше преслѣдованія со стороны Канге, часовъ около 4-хъ вмѣстѣ съ Крицевскимъ направился въ Тунгоу; но, не пройдя одной версты, мы услышали выстрѣлы со стороны корейскихъ сопокъ. Зная, что около взвода вмѣстѣ съ командиромъ сотни Платоновымъ и шт.-ротмистромъ Акимовымъ не успѣли переправиться, я поскакалъ назадъ, поручивъ Крицевскому предупредить 47 сотню о происшедшемъ.

Между тѣмъ оставшіяся у переправы на Маньчжурскомъ берегу шт.-ротм. Охоцкій быстро принялъ правильное рѣшеніе: занявъ одной частью людей вымонну, откуда они стали обстрѣливать непріятеля, онъ приказалъ остальнымъ людямъ сѣдлатъ переправившихся лошадей сотни, открыто стоявшихъ на берегу.

Кромѣ тѣснаго двора, гдѣ помѣстилось около 20 лошадей, ничего по близости мѣста переправы не могло служить ихъ укрытіемъ, а крутыя возвышенности, примыкавшія здѣсь къ берегу, не позволяли отвести лошадей подалеже отъ рѣки; нужно было ихъ сѣдлатъ и возможно скорѣе увести вдоль берега на Тунгоу, пока непріятель не занялъ Манпхо. Но сѣдловка подвигалась медленно, а между тѣмъ слышались уже одиночныя выстрѣлы изъ Манпхо, а съ сопокъ стрѣляло уже около роты. Наблюдая за сѣдловкой, я обратилъ вниманіе, что на корейскомъ берегу въ распоряженіи

Платонова нѣтъ ни одной лодки; на нашемъ берегу стояло три челнока, (одинъ безъ весель), но ни одного китайца по близости не было; при первыхъ же выстрѣлахъ толпа разбѣжалась, а нѣкоторые лодочники уплыли со своими челноками. Тогда я приказываю расторопному рядовому Лукерчику съ 3-мя нижними чинами переправиться на двухъ челнокахъ на противоположный берегъ къ оставшемуся тамъ взводу. Съ большимъ друдомъ, противъ теченія и подъ пулями переправляется Лукерчикъ согласно моего приказанія.

Между тѣмъ лошади посѣдланы, и, подъ прикрытіемъ огня стрѣлковъ Охоцкаго, я вывожу коноводовъ; одни изъ нихъ имѣютъ по одной, а другіе по двѣ заводныхъ лошади. Тѣмъ не менѣе часть лошадей за недостаткомъ коноводовъ остается во дворѣ у фанзы. Сначала я иду съ коноводами рысью, но когда пули противника стали часто щелкать по капустѣ, мимо которой мы проходимъ, перехожу въ галопъ. Стараюсь возможно дальше идти отъ берега, забирая вираво, но пахоть и косогоръ мѣшаютъ движенію. Верстахъ въ двухъ отъ мѣста переправы я пріостанавливаю колонну и, узнавъ, что потерь у насъ нѣтъ, спѣшиваю еще 10 человекъ, которые передаютъ своихъ лошадей коноводамъ, поручаю доктору Клычкову вести послѣднихъ въ Тунгоу, а вмѣстѣ съ пѣшими возвращаюсь назадъ для подкрѣпленія оставшихся у переправы и вывода остальныхъ лошадей.

Охоцкій въ это время продолжалъ обстрѣливать противника— одну его часть, около роты, занявшую Мапхо и другую часть, также около роты, наступавшую съ сопокъ на взводъ Платонова,— стараясь притянуть на себя вниманіе непріятеля и отвлечь его отъ нашего взвода на корейскомъ берегу. Видно и слышно было, какъ послѣдній вель также оживленную перестрѣлку. Присоединившись къ Охоцкому, я сталъ поджидать, когда Платоновъ при помощи отправленныхъ къ нему челноковъ начнетъ переправляться; мы видѣли, что онъ со взводомъ отошелъ нѣсколько выше по теченію. Наступила ночь, перестрѣлка прекратилась. Пробывъ часовъ до 10-ти съ Охоцкимъ, я приказалъ ему дожидаться присоединенія взвода съ корейскаго берега, послѣ чего идти вмѣстѣ къ отряду, я съ оставшимися еще у мѣста переправы лошадьми отправился въ Тунгоу. Вслѣдъ за мною часа черезъ два сюда прибыли Платоновъ, Акимовъ и Охоцкій съ ихъ людьми.

Ни въ людяхъ, ни въ лошадяхъ потерь у насъ не было, несмотря на то, что положеніе Платонова со взводомъ было крити-

ческое. Принужденный отойти нѣсколько вверхъ по теченію и найдя тамъ мѣсто возможное для переправы, онъ сталъ энергично отстрѣливаться, ожидая прибытія къ нему съ нашего берега перевозочныхъ средствъ. Когда явился къ нему Лукерчикъ съ челноками, было еще слишкомъ свѣтло, чтобы начинать переправу на глазахъ непріятеля; подѣ прикрытіемъ наступившей темноты онъ сталъ переправляться, когда дозоры его были не боѣе какъ въ 70—100 шагахъ отъ дозоровъ противника.

Мы всѣ удивляемся, какъ благополучно сошелъ намъ этотъ день.

8-го іюня. Дневка въ Тунгоу. Высланный развѣздъ для наблюденія за непріятелемъ у Манпхо подвергся обстрѣливанію, и одинъ изъ нашихъ нижнихъ чиновъ былъ легко раненъ пулей, прострѣлившей ему ушную раковину. Непріятель изъ Манпхо не собирався уходить; напротивъ, къ нему въ теченіе дня подошла еще небольшая часть.

Въ Тунгоу мы достаемъ китайскія подковы съ гвоздями, которыя значительно лучше подходятъ къ нашимъ лошадямъ, чѣмъ корейскія; къ тому же здѣсь можно получить порядочное желѣзо дляковки. Покупаемъ также сахаръ, чай и другіе съѣстные продукты; и люди, и лошади болѣе или менѣе сыты. Всѣ повеселѣли, что попали въ Маньчжурію.

Я собираю офицеровъ и говорю имъ, что по собраннымъ свѣдѣніямъ у Хуай-жень-сяня расположенъ отрядъ японцевъ, а у Тунхуа-сяня—отрядъ русскихъ, почему намъ слѣдуетъ рѣшить, должны ли мы идти на Ча-гоу-мынь-Хуай-жень-сянь, или въ Тунхуа-сянь. Нѣкоторые офицеры заявляютъ, что наши лошади требуютъ продолжительнаго отдыха, что отрядъ, имѣя конскій составъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ у насъ, не можетъ исполнить серьезную работу, а потому намъ слѣдуетъ идти малыми переходами въ Тунхуа-сянь. Приходится согласиться съ этими доводами, такъ какъ въ 47-й сотнѣ нѣкоторыя лошади, совершившія послѣдніе 2—5 переходовъ безъ подковъ, дѣйствительно до того подбились, что едва передвигаютъ ноги; три лошади оставляются въ Тунгоу въ виду полной ихъ негодности; нѣсколько коней могутъ идти только въ заводу, причемъ, вслѣдствіе убыли лошадей павшими и убитыми, 3—4 нижнихъ чина должны продолжать путь спѣшенными; поставить нѣкоторыхъ вьючныхъ лошадей подѣ верхъ не представляется возможнымъ, такъ какъ число ихъ было уже доведено до минимума.

Я составляю донесенія и высылаю впередъ офицерскій разъѣздъ на Тун-хуа-сянь—Син-цзин-тинъ до ближайшей телеграфной станціи съ приказаніемъ краткое донесеніе передать по телеграфу начальнику штаба арміи и начальнику округа и болѣе подробное о всемъ происшедшемъ съ Хамхынга на летучую почту также въ двухъ экземплярахъ.

Многіе въ отрядѣ воспользовались возможностью дать о себѣ знать своимъ роднымъ, которымъ уже давно мы не могли писать въ виду нашихъ скитаній; и я успѣшилъ написать нѣсколько строкъ своему отцу и матери, потерявшимъ уже въ этой войнѣ одного сына.

9-го іюня. Двигаемся дальше по направленію на Тун-хуа-сянь, причемъ въ хвостѣ колонны идутъ снѣженные люди и арба, на которой лежитъ больной нижній чинъ, заболѣвшій еще у Канге воспаленіемъ кишекъ, но по необходимости совершавшій до сихъ поръ переходы верхомъ.

Верстахъ въ трехъ отъ Тунгоу мы встрѣчаемъ разъѣздъ изъ отряда Мадритова. Какъ радостно было увидѣть этотъ разъѣздъ и почувствовать, что мы вступили, наконецъ, въ сферу нашей арміи. Отъ него мы узнаемъ новости и дѣлимся своими свѣдѣніями.

Послѣ маленькаго перехода останавливаемся на ночлегъ у д. Тахонгумынь.

10-го іюня приходится совершать длинный переходъ, такъ какъ на пути лежитъ довольно большой, лѣсистый и почти ненаселенный переваль черезъ хребетъ Лоэлинъ, и нѣтъ бивачныхъ мѣстъ.

11-го и 12-го іюня мы продолжаемъ двигаться дальше.

За нѣсколько верстъ до Тун-хуа-сяня встрѣчаетъ насъ посланный отъ китайскаго тифангуаня, а затѣмъ командиръ Кавказской сотни отряда Мадритова, подьесаулъ Гирсъ, мой товарищъ по кадетскому корпусу. Сотня эта, участвовавшая въ развѣдкѣ Мадритова въ Корею, расположена въ Тун-хуа-сянѣ, и Гирсъ совѣтуетъ намъ занять помѣщеніе конторы нашей бывшей лѣсной компаніи на Ялу.

Мы здѣсь впервые обѣдаемъ за столомъ и на тарелкахъ: отъ того и другого мы давно отвыкли. Вечеромъ любуемся, какъ кавказцы пляшутъ лезгинку, затѣмъ идемъ въ баню—смыть корейскую грязь, и ложимся спать болѣе или менѣе съ комфортомъ.

13-го, 14-го и 15-го іюня мы отдыхаемъ въ Тун-хуа-сянѣ, что главнымъ образомъ необходимо для нашихъ лошадей. Но этотъ отдыхъ дѣйствуетъ на людей скверно: многіе начинаютъ заболѣ-

вать главнымъ образомъ желудкомъ; причиною тому или вода р. Хунь-цзяна послѣ чистой горной воды, которую мы привыкли пить въ Корей, или перемѣна пищи, — послѣ овса мы стали ѣсть по человѣчески, а офицеры, благодаря любезности Гирса, могли получать даже бифштексы и пловъ, чего никто изъ насъ давно не видалъ.

Изъ Тун-хуа-сяня я снова отправилъ донесеніе начальнику штаба арміи и начальнику округа, въ которомъ просилъ указаній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда, а также объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ нуждъ его и доносилъ о нашемъ движеніи на Син-цинтинъ. Мы всѣ были увѣрены, что насъ оставятъ для дѣйствій на лѣвомъ флангѣ арміи, или присоединятъ къ одному изъ другихъ отрядовъ, здѣсь дѣйствовавшихъ. Донесеніе мое пошло по китайской летучей почтѣ, такъ какъ наша почта и телеграфъ до Тун-хуа-сяня въ то время не доходили.

Во время нашего пребыванія въ Тун-хуа-сянѣ до насъ дошло извѣстіе о неудачахъ подъ Вафангоу и Кинчжоу.

16-го іюня. Число заболѣвшихъ еще увеличилось, и, въ виду того, что они не могутъ слѣдовать верхомъ, является необходимость для выступленія отряда нанять нѣсколько арбъ. Въ пути одному изъ офицеровъ дѣлается дурно, и онъ, не будучи въ состояніи продолжать движеніе верхомъ, ложится на носилки, которыя несутъ нанятые для того манзы.

Весь переходъ насъ мочитъ дождь; грязь дѣлается невылазной; послѣднее служить причиною тому, что нашъ обозъ съ больными и прикрытіемъ приходитъ къ ночлегу отряда лишь утромъ на слѣдующій день.

17-го іюня. На переходѣ мы встрѣчаемъ китайца съ летучей почты, останавливаемъ его и узнаемъ, что мнѣ есть телеграма изъ штаба Заамурскаго округа. Съ нетерпѣніемъ распечатываю ее; но увы разочарованіе; сухая телеграма гласила лишь о томъ, что отряду приказывается идти къ линіи желѣзной дороги кратчайшимъ путемъ, откуда одна сотня должна быть перевезена въ Лоушагоу, другая въ Гунчжулинъ для охраны дороги.

Несмотря на перенесенныя лишенія во время похода и небольшія тренія между мною и офицерами, мы всѣ въ общемъ желали продолжать полевую службу при арміи въ составѣ нашего отряда. Сухой же тонъ телеграмы заставлялъ насъ предполагать, что отрядомъ недовольны, хотя мы недоумѣвали, въ чемъ наша вина.

18-го іюня. Ночью я заболѣлъ дизентеріей и хотя у меня хватаетъ еще силы ѣхать верхомъ, но распорядиться не могу, а потому сдаю командованіе отрядомъ шт.-ротм. Акимову. Такъ какъ лекарства, которыя были захвачены при выступленіи въ походъ, частью уже вышли, частью испортились, или разлились изъ склянокъ (медицинскій вьюкъ—два деревянныхъ ящика, не разъ промокалъ насквозь подъ дождемъ и при переносахъ въ бродъ), то нашему доктору приходится насъ больныхъ лечить больше внушеніемъ.

Во время всего перехода идетъ непрерывный дождь. Маленькіе ручейки превратились отъ дождей въ бурные потоки, черезъ которые намъ приходится переходить въ бродъ, съ возможностью выкупаться въ мутной ихъ водѣ, такъ какъ долины ихъ на большомъ разстояніи затоплены и дороги подъ водою не видать. Нѣсколько казаковъ, очевидно свернувъ въ сторону отъ дороги, погружаются сразу съ лошадьми въ воду, но благополучно выплываютъ.

19-го іюня. Отрядъ идетъ въ Син-цзин-тинъ, при чемъ я не въ состояніи уже ѣхать верхомъ, и меня несутъ въ паланкинѣ, а шт.-ротмистра Платонова, также больного, на носилкахъ.

Въ Син-цзин-тинѣ мы встрѣтили нашъ разъѣздъ, который сдѣлалъ здѣсь на телеграфную станцію и летучую почту мои донесенія изъ Тупгоу и дождался подхода отряда.

Расположенный здѣсь гарнизонъ (часть отряда Мадритова, который съ другой частью отправился отсюда за недѣлю приблизительно до нашего прихода на Хуай-жень-сянь) встрѣтилъ насъ любезно. Мало того, капитанъ Г., отрекомендовавшись начальникомъ штаба отряда Мадритова, сталъ заявлять какія-то претензіи, которыя я не выслушивалъ, направляя его къ Акимову, а послѣднему капитанъ Г. сталъ угрожать, что онъ имѣетъ непосредственныя сношенія съ начальникомъ штаба арміи.

Только мѣстный интендантъ и докторъ вошли въ наше положеніе: первый, узнавъ, что помѣщеніе, отведенное для офицеровъ, есть не что иное, какъ полуразрушенная, безъ оконъ и дверей, фанза, сталъ приглашать къ себѣ, второй—снабдилъ нашего доктора необходимыми лекарствами.

21-го іюня. Пробывъ въ Син-цзин-тинѣ на дневкѣ въ силу необходимости дать лошадямъ отдыхъ, отрядъ выступилъ, согласно приказанія изъ округа въ направленіи на Мукденъ.

Послѣ перехода подъ дождемъ мы приходимъ въ Маоэр-тун-шинъ, гдѣ молодой подпоручикъ, находящійся здѣсь со своимъ постомъ, радушно насъ принимаетъ.

22-го іюня. На переходѣ я чувствую себя настолько лучше, что сажусь на лошадь. Нетерпѣніе узнать, нѣтъ ли телеграммы на мое имя, болѣе благопріятнаго содержанія, чѣмъ предыдущая, побуждаетъ меня отправиться съ развѣздомъ впередъ въ д. Импань, гдѣ была учреждена станція военнаго телеграфа. Намъ говорили по дорогѣ, что въ виду наступившихъ дождей переправа черезъ р. Хунь-хэ у д. Импань можетъ составить для насъ серьезное затрудненіе.

Телеграммъ мы не нашли, но бродъ, хотя глубокой, еще не закрылся.

23-го и 24-го іюня. Отрядъ приходитъ въ Импань, откуда на слѣдующій день мы идемъ въ Фушунь.

Здѣсь я получилъ телеграмму изъ штаба Заамурскаго округа, которая иредписывала отряду отнюдь не заходить въ Мукденъ, а выйти къ линіи желѣзной дороги сѣвернѣе его, на станцію Хушитай или Синтхайцзы.

Такъ какъ кратчайшій путь къ желѣзной дорогѣ былъ на Мукденъ, гдѣ въ то время находился намѣстникъ со штабомъ, мнѣ стало ясно, что смыслъ этой телеграммы заключался въ томъ, чтобы отрядъ по возможности незамѣтно подошелъ къ линіи желѣзной дороги и не показывался бы на глаза высшему начальству. Если даже предположить, что въ виду предстоявшей посадки сотенъ въ вагоны для отправки на сѣверъ не хотѣли занимать на одинъ часъ одинъ изъ погрузочныхъ путей на ст. Мукденъ, то все таки намъ было удобнѣе пройти походнымъ порядкомъ въ Хушитай черезъ Мукденъ, въ виду пересѣченной мѣстности и отсутствія въ то время порядочныхъ дорогъ въ направленіи Фушунь-Хушитай. Но согласно телеграммы отрядъ не долженъ былъ показываться въ Мукденѣ.

25-го іюня. Ночью у меня дизентерія приняла такія формы, что утромъ, по совѣту нашего доктора, я сдалъ командованіе отрядомъ Платонову и, поручивъ ему вести отрядъ въ Хушитай въ два перехода, вмѣстѣ съ Крищевскимъ и Чуда-сю отправился на арбѣ въ Мукденъ, чтобы запастись тамъ лекарствами, или въ случаѣ крайней необходимости лечь тамъ въ госпиталь. Наше путешествіе втроемъ оказывается не безопаснымъ. Прибывъ послѣ нашей развѣдки изъ Кореи въ Фушунь, мы считали себя почти дома, и отдѣлявшія насъ 45 верстъ отъ Мукдена считали пустяками; между тѣмъ этого было вполне достаточно, чтобы подвергнуться нападенію со стороны хунхузовъ. По дорогѣ мы слышимъ въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ насъ за хребтомъ возвышенности нѣсколько выстрѣ-

ловъ; каждый изъ насъ трехъ, вооруженныхъ только револьверами и шашками, почувствовалъ, какой опасности мы подвергаемся.

Въ этотъ же день одинъ нижній чинъ изъ отряда пропалъ безъ вѣсти; только черезъ два—три мѣсяца онъ вернулся въ сотню, но не въ здоровомъ умѣ; изъ его несвязныхъ рѣчей можно было понять, что онъ былъ въ плѣну у хунхузовъ, которые очень жестоко съ нимъ обращались, а затѣмъ бѣжалъ оттуда.

Въ грязной и съ заплатами одеждѣ прибыли мы трое въ Мукденъ. На вокзалѣ офицеры, сравнительно чисто съ нами одѣтые, подозрительно посматривали на насъ.

26-го іюня. Переночевавъ у одного изъ офицеровъ пограничной стражи и захвативъ съ собою лекарства, я отправился въ этотъ же день по желѣзной дорогѣ въ Хушитай, гдѣ засталъ только что подошедшій отрядъ.

Я не хотѣлъ ложиться въ госпиталь, несмотря на убѣжденія доктора въ Мукденѣ въ необходимости этого, такъ какъ торопился прѣхать въ Харбинъ лично доложить о дѣйствіяхъ отряда моему непосредственному начальству и выяснить причину его неудовольствія, которое чувствовалось въ полученныхъ нами распоряженіяхъ.

Еще въ Син-цзин-тинѣ я послалъ телеграмму въ штабъ Заамурскаго округа съ просьбой выѣхать мнѣ впередъ въ Харбинъ для личнаго доклада; по прибытіи въ Хушитай я повторилъ просьбу. донеся предварительно о прибытіи сюда отряда и испросивъ вагоны для отправленія сотенъ въ Лоушагоу и Гунчжулинь.

28-го Іюня, получивъ телеграмму съ разрѣшеніемъ мнѣ ѣхать въ Харбинъ, я простился съ сотнями и офицерами, съ которыми за три почти мѣсяца походной жизни тѣсно сблизился.

Мы возвращались въ радостномъ настроеніи, не только потому что остались живы, мы были проникнуты гордымъ сознаніемъ свято исполненнаго долга и думали, что хотя мы много перенесли и перестрадали, но что наши труды и лишенія не безрезультатны, принесутъ пользу родинѣ и будутъ оцѣнены. А, между тѣмъ, насъ встрѣтили холодно, какъ бы съ неудовольствіемъ, что было очень тяжело и грустно.

Вскорѣ по возвращеніи мнѣ пришлось услышать слѣдующее:

Главнокомандующій, адмиралъ Алексѣевъ, узналъ только въ маѣ мѣсяцѣ о высылкѣ въ Корею отряда подъ моей командой. Считая эту развѣдку слишкомъ рискованной, онъ всецѣло возложилъ всю нравственную отвѣтственность за судьбу отряда на генерала

Чичагова, какъ инициатора этой развѣдки. Высланные, по приказанію главнокомандующаго, развѣзды отъ забайкальцевъ изъ Кеншенга съ цѣлью вернуть нашъ отрядъ не догнали насъ и возвратились обратно.

Это обстоятельство послужило причиной неудовольствія намѣстника, которое особенно усилилось въ концѣ мая и началѣ іюня, когда я не имѣлъ возможности посылать донесенія; явилась мысль, что весь нашъ отрядъ погибъ. Когда же мы благополучно вернулись, то возникшее неудовольствіе, какъ это ни странно, отразилось на насъ.

Вдобавокъ штабъ Заамурскаго округа повидимому не представилъ въ правильномъ освѣщеніи генералу Чичагову причину уклоненія отъ пути Херіевъ-Капсанъ-Пукченъ, такъ какъ выборъ мною для слѣдованія главныхъ силъ отряда дороги Херіевъ-Кенгшенъ Пукченъ, за отсутствіемъ другихъ поводовъ, ставился мнѣ въ укоръ.

Личный мой докладъ, краткій отчетъ о произведенной развѣдкѣ и осмотръ конскаго состава сотенъ специально командированнымъ для этого ветеринарнымъ врачомъ, который нашелъ что послѣ 2-хъ недѣльнаго отдыха сотни могутъ по прежнему нести усиленную службу ¹⁾), совершенно измѣнили взглядъ на дѣйствія отряда.

Обращаясь теперь къ прошлому, спрашивается, какіе результаты были нами получены?

Задача развѣдать направление Хайлинъ-Нингута-Онсенгъ-Чонсенгъ - Мусанъ - Капсанъ - Пукченъ, указанное инструкціей, была исполнена отрядомъ значительно шире: онъ развѣдалъ не направление, а районъ между линіями Хунчунъ Кенгшенгъ-Пукченъ и Нанганъ - Мусанъ - Капсанъ, при чемъ выяснилось, что японскія войска въ этомъ районѣ отсутствовали. Донесенія я отправлялъ, пользуясь всѣми средствами, какія только были въ нашемъ распоряженіи: телеграфъ, русская и китайская почта, летучая почта забайкальцевъ, развѣзды и посылка одиночныхъ китайцевъ нашихъ переводчиковъ, когда въ услугахъ ихъ мы переставали нуждаться; конечно, съ удаленіемъ отъ нашихъ передовыхъ постовъ на нѣсколько сотъ верстъ мы потеряли возможность часто посылать донесенія.

Дойдя до Пукчена, конечнаго пункта, указаннаго инструкціей, я считалъ себя обязаннымъ продолжать движеніе до соприкосно-

¹⁾ Одна изъ сотенъ въ октябрѣ того же года снова принимала участіе въ экспедиціи подъ моею же командой со стороны Гунчжулина и Харбасану.

венія съ противникомъ, каковое произошло въ 250 верстахъ за Пукченомъ.

Движеніе отряда безпокоило японцевъ, что видно изъ телеграммъ, захваченныхъ въ Пукченѣ и Хамхынгѣ; преувеличенныя свѣдѣнія о численности нашего отряда, отсутствіе сопротивления со стороны корейскихъ войскъ, несмотря на приказы изъ Гензана, и разрушеніе 2 японскихъ телеграфныхъ станцій и линіи должно было еще болѣе тревожить нашего врага и заставило сосредоточить къ Гензану сильныя сравнительно съ нами подкрѣпленія изъ Сеула.

Въ отдѣлѣ телеграммъ газеты «Новое время» за май 1903 г. и въ особенности съ 19-го по 26-ое мая было много сообщений изъ Сеула и Токио о движеніи нашего отряда, при чемъ телеграммы эти были для японцевъ тревожнаго характера; нечего говорить, что на мѣстѣ впечатлѣніе получалось значительно большимъ, чѣмъ о томъ писалось въ телеграммахъ, проходившихъ черезъ японскую цензуру.

Обратный путь слѣдованія я рѣшилъ избрать на Канге-Мукденъ съ цѣлью освѣтить возможно большій районъ и стремясь произвести развѣдку праваго фланга наступленія японцевъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, взявъ всецѣло на себя ответственность за выполненіе этой задачи.

Слѣдуя отъ Хамхынга до Чанчжина, мы убѣдились, что не только непріятель не предпринималъ здѣсь рѣшительно никакихъ дѣйствій, но что даже не было возможности наступать въ этомъ направленіи значительными силами. Наше донесеніе объ этомъ, полагаю, было не бесполезно, въ особенности ввиду циркулировавшихъ передъ этимъ нелѣпыхъ слуховъ о появленіи въ окрестностяхъ Маоэршаня 10 т. японцевъ и другихъ подобныхъ свѣдѣній.

Отсутствіе какихъ бы то ни было дѣйствій со стороны непріятеля на пути Хамхынгъ-Чанчжунъ побудило меня свернуть на западъ на г. Канге и далѣе къ нижнему теченію р. Ялу. У Канге, а затѣмъ у д. Манпхо отрядъ вошелъ въ соприкосновеніе съ небольшими непріятельскими частями, охранявшими, очевидно, коммуникаціонную линію японцевъ.

Удачно избѣжавъ серьезной опасности при переправѣ черезъ р. Ялу у Манпхо, я предполагалъ первоначально направиться на Ча-гоу-мынь—Хуай-жень-сянь, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, находился довольно значительный непріятельскій отрядъ, но пришлось отъ этого отказаться, такъ какъ иначе эта развѣдка Хуай-жень-

сяня съ тыла окончательно подорвала бы нашъ конскій составъ, и безъ того уже нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ не хватало лошадей.

Въ общемъ отрядъ прошелъ около 1,900 верстъ въ 81 день, а безъ дневокъ въ 55, что составляетъ средній суточный переходъ равнымъ почти 35 верстамъ. Условія, въ которыхъ находился отрядъ, были весьма тяжелыя, какъ въ отношеніи мѣстности и продовольствія, такъ и вслѣдствіе своего изолированнаго положенія и почти полнаго отсутствія свѣдѣній о томъ, что происходило въ это время на театрѣ военныхъ дѣйствій; эта изолированность чувствовалась въ особенности при столкновеніяхъ съ противникомъ.

Тѣмъ не менѣе потери наши были сравнительно весьма незначительны: всего убыло въ людяхъ два убитыхъ, два утонувшихъ и одинъ безъ вѣсти проавшій ¹⁾; кромѣ того одинъ былъ раненъ. Изъ заболѣвшихъ во время похода 1 — гипертрофіей сердца, 1 — воспаленіемъ кишекъ и нѣсколькихъ человекъ дизентеріей — всѣ послѣ болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени поправились; другихъ серьезныхъ заболѣваній не было.

Строевыхъ лошадей пало во время похода 9, при чемъ одна изъ нихъ была убита и 2 ранены; три строевыхъ лошади были оставлены въ Тунгоу за негодностью ихъ; кромѣ того убыло болѣе половины обозныхъ коней. Къ концу похода въ обѣихъ сотняхъ было 33 лошади съ нагнетами холки и спины, 8 лошадей съ наминками, 1 съ растяженіемъ связокъ бедра и 1 съ ревматическимъ воспаленіемъ копыта; нагнеты и наминки прошли въ 1 — 4 недѣльный срокъ.

Оцѣнивая результаты развѣдки, нельзя не принять во вниманіе, что:

1) Сотни, бывшія подъ моею командой, по своему составу не оставляли желать лучшаго, но вслѣдствіе предшествовавшей службы ихъ по охранѣ желѣзной дороги не были вполне подготовлены къ дѣйствию болѣе крупными развѣдывательными отрядами;

2) Колесный обозъ, первоначально одиночной запряжки и передвѣланный уже на походъ для нарной упряжки, сильно тормозилъ движеніе отряда, почему пришлось еще разъ реформировать обозъ на вьючный; реорганизация обоза оба раза требовала денегъ и времени;

3) Составъ отряда не соответствовалъ мѣстности, гдѣ ему приходилось дѣйствовать, такъ артилерія, которая не вьючилась, явля-

¹⁾ Черезъ 2—3 мѣсяца онъ вернулся въ свою сотню.

лась при двухъ сотняхъ всего, посланныхъ для развѣдки по дикимъ дебрямъ Корей, только тяжелой обузой:

4) Слишкомъ малъ былъ выданный въ распоряженіе отряда денежный авансъ на 3 мѣсяца, такъ какъ это обстоятельство заставило отрядъ, войдя въ соприкосновеніе съ неприятелемъ, поспѣшить возвращеніемъ назадъ;

5) Отсутствие подрывныхъ средствъ лишало насъ возможности задаваться цѣлями порчи сообщеній въ тылу у японцевъ, за исключеніемъ порчи телеграфной линіи;

7) Отсутствие картъ крупнаго масштаба ставило насъ въ зависимость отъ мѣстныхъ проводниковъ, на симпатію которыхъ мы не могли рассчитывать; при этомъ они не всегда были освѣдомлены о путяхъ.

Если при всѣхъ перечисленныхъ условіяхъ отрядъ сдѣлалъ свое дѣло и значительно шире указаннаго инструкціей, то этимъ онъ былъ обязанъ сознанію, которымъ прониклись всѣ чины отряда, что *самое важное это выполненіе возложенной задачи*; препятствій для этого у насъ не существовало, и даже въ такомъ вопросѣ какъ о томъ, что дѣлать съ ранеными, если они будутъ мѣшать выполненію нашей цѣли, было рѣшено оставлять ихъ на попеченіи враговъ и продолжать исполнять свое дѣло. Я не боялся, что этотъ принципъ можетъ подѣйствовать деморализующимъ образомъ, на столько былъ увѣренъ въ чувствѣ долга каждаго участника нашего похода, и въ этомъ я не обманулся, такъ какъ за 3 мѣсяца, въ теченіе которыхъ пришлось нѣсколько разъ прибѣгать къ реквизиціи, не только никто не былъ преданъ суду, но даже дисциплинарныя взысканія почти не налагались.

В. Апанъевъ.

